

ЗА РУБЕЖОМ
г. Москва

2 8

1988

Лучано Паваротти: к тенорскому «Олимпу»

В чем секрет феноменальной по масштабам популярности итальянского певца, напроочь опровергающего распространенное мнение, будто в наши дни «опера — это не модно»? Разгадка, видимо, проста: в Паваротти счастливо соединились редкий вокальный и артистический дар и большое человеческое обаяние.

«ФИГАРО-МАГАЗИН», ПАРИЖ

КАРУЗО и Ди Стефано, Джильи и Дель Монако...

Сегодня в этом ряду великих итальянских теноров стоит и он — Лучано Паваротти. Да, он Тенор с большой буквы. Причем не только для изысканной публики оперных залов, но и для так называемого массового слушателя. Очень массового: много тысяч зрителей на памятном концерте в «Мэдисон сквер гарден» — это, бесспорно, рекорд. Тридцать пять миллионов дисков — это тоже рекорд.

Когда этой весной в Париже он должен был дать концерт в Театре Елисейских полей, все билеты были распроданы за три месяца до назначенной даты — причем по какой цене! Но ведь голос, которым предстояло насладиться счастливым обладателям этих билетов, бесценный. Он мягок, как расплавленное

золото, тембр его светел. А как безупречно чиста дикция, а какой бисер колоратуры...

Вокальный феномен? Безусловно. Но этого недостаточно для того, чтобы стать «звездой», чтобы четверть века пользоваться постоянно растущей любовью публики. Причина популярности в том, что артист, выдающийся тенор не заслоняет личность, а личность сразу же вызывает симпатию. Щедрая натура, великодушные, доброта. Огромное жизнелюбие и жажда деятельности. И при этом Лучано Паваротти остается сыном своей земли, типичным итальянцем родом из Эмилии, где пенится шипучее «ламбруско» (итальянское вино — Ред.), где природа благодатна и люди отличаются широтой души. Отец Лучано был булочником, мать работала на сигарной фабрике. Он рос рядом с молочной сестрой, в будущем тоже известной певицей Миреллой

Френи, с которой ему потом доведется не раз встречаться на сцене, деля триумфы.

— Достаточно посмотреть на нас, чтобы сразу понять, кто выпил все молоко кормилицы, — говорит Мирелла сегодня со смехом.

В ком искать источник дарования мальчика? Конечно же, в отце, который с ночи до утра неумолимо распевал в своей пекарне, меся тесто. И который часто ставил на проигрыватель пластинку великого Карузо. Ребенок был пропитан этими чарующими звуками. Их не смогли перекрыть ни грохоты войны, ни взрывы бомб, ни даже тяжелая болезнь, из-за которой он оказался на волосок от смерти. Однако, добрая душа, он хочет доставить удовольствие родителю, а тот наметил для него будущее учителя. И Лучано становится на какое-то время учителем математики. Но параллельно, доставляя удовольствие родительнице, работает над своим голосом. Год, два, три. Изюм дня в день. В ожидании лучших времен поет по воскресеньям в церковном хоре, всегда вместе с отцом (он и сейчас, соблюдая семейную традицию, поет на Рождество в этой старой церкви, и рядом с ним по-прежнему отец, которому минуло 75).

Наконец ему посчастливилось: он победитель местного певческого конкурса. Его бе-

рут в театр в соседнем городе Реджо-Эмилия. И вот он — Рудольф в «Богеме» Пуччини: партия, которую он будет петь сотни раз, которая станет его «фетишем». Большая победа местного масштаба, на которую отец, взыскательный критик сына, откликается одной короткой фразой: «Лаури-Вольпи был лучше». Два года спустя, когда к 28-летнему Лучано, срочно заменившему в лондонском «Ковент-Гарден» Ди Стефано все в той же «Богеме», приходит уже поистине триумфальный успех, окончательно открывающий ему карьеру оперного певца, отец комментирует: «Джилли был лучше». В 1968 году, когда он дебютирует в «Метрополитен-опере», сын, предвосхищая папу, шлет в Италию телеграмму: «Карузо был лучше». Милая, вполне почтительная сыновья шутка. А потом еще одна «Богема» (на сей раз в миланском «Ла Скала»), которой дирижировал сам Караян, последовавшее за этим от прославленного дирижера приглашение петь в «Реквиеме» Верди.

Он поет много, очень много — сто двадцать спектаклей в год: «Мне как спортсменам — необходимо тренировать свой голос постоянно». А чтобы голосу соответствовала общая физическая форма, ежедневно полчаса обязательного «катания» на велотренажере.

Репутация «лучшего среди

лучших» ко многому обязывает.

— Я должен думать об ответственности, которая ложится на меня, когда я на сцене, — объясняет певец. — А она огромна. Вы можете великолепно пропеть всю оперу, но если вам не удалась одна-единственная высокая нота, публика вам этого не простит. И наоборот, вы можете загубить все, но вам это простят, если удалось то самое «до», которого от вас ждут.

В этом замечании много трезвости и доля горечи. Но стоит ли обижаться на публику, которая каждый вечер превозносит своего кумира? Полтора часа аплодисментов в Венет Шесть часов непрерывной раздачи автографов в Нью-Йорке! Кто может сравниться с Паваротти? Разве что он сам — живой и неистощимый, решительно ставящий роспись прямо на рубашке одного из почитателей, когда у того нет под рукой листка бумаги.

И неважно — Пуччини, Верди, Моцарта он исполнял или «О солё мю!»... Он улыбается широкой белозубой улыбкой. Он приветствует зрителей, приложив руку к сердцу, комкая носовой платок размером с полотенце. Он распахивает руки, как бы желая обнять весь зал. Он любит, чтобы его любили. И, конечно, для этого делает все возможное...